

Шведский менталитет глазами русских

В. Ю. СЫЗРАНЦЕВ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

Статья посвящена проблеме формирования в России этнического стереотипа о шведской нации. В частности, она рассматривает исторический процесс, в ходе которого русские вступали в тесное взаимодействие со шведами и получали возможность составить о них впечатление. В статье описываются исторические и культурные факторы, повлиявшие на этот процесс. Ключевые слова: Швеция, Россия, менталитет, этнический стереотип, история.

Swedish Mentality in the Eyes of Russians

V. YU. SYZRANTSEV

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

This article covers the problem of formation of an ethnic stereotype about the Swedish nation in Russia. In particular, it observes the historical process, in the course of which the Russians were closely communicating with the Swedes and could create an impression of them. Historical and cultural factors that influenced this process are described in this article.

Keywords: Sweden, Russia, mentality, ethnical stereotype, history.

Говорить об устойчивом представлении русских о шведах в Средние века и в раннее Новое время весьма затруднительно. Это связано, в первую очередь, с тем, что в Средневековье в непосредственный контакт друг с другом могли вступать в основном жители приграничных территорий, а также отдельные купцы-путешественники, которые, однако, были сравнительно немногочисленными. В соответствии с этим у большей части населения России не было четкого представления о северном соседе. Их осведомленность ограничивалась отдельными рассказами и упоминаниями, содержание которых могло значительно различаться.

«В Швецию для изучения языка русские люди начали ездить с XVI в. Известно, что один русский жил у епископа Ботвида в Стренгнесе, и сам король Густав Васа интересовался его успехами в изучении шведского языка. Первые переводчики шведского языка появились в Посольском приказе, очевидно, в последней трети XVI в. Во всяком случае, в штате 1549–1550 гг. они не числи-

лись. При переговорах со шведами пользовались, как правило, немецким языком» (Коваленко, 1999: 108).

«Московское государство познакомилось со шведами в конце XV века после присоединения Великого Новгорода. Однако долгое время общение представителей шведского королевства с Москвой осуществлялось через Новгород. Русско-шведские отношения второй половины XVI — начала XVII в. носили преимущественно военный оттенок: неудачная для Московского государства Ливонская война и, наоборот, победоносная русско-шведская 1590–1593 гг. Но наибольший интерес для нас вызывает период Смуты, когда шведские воины-наемники появились не только на северо-западе страны, но и в Москве» (Козлов, 2003: 24).

С изобретением книгопечатания и ростом общей грамотности населения степень осведомленности в обществе несколько возросла. Однако период правления в России Петра I был отмечен рядом серьезных реформ и введением строгой цензуры, запрещавшей издание многих книг. «Для русского общест-

* Сызранцев Вячеслав Юрьевич — аспирант кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета. Тел. (499)179-58-31. Эл. адрес: syzrantsevs@yandex.ru

ва в целом цензура также имела большое значение. Ее основа в большей или меньшей степени была заложена Петром Великим. Его реформы встречали значительное сопротивление со стороны церкви, и он был вынужден запрещать издание в России многих работ» (Nilsson, 1990: 203).

В связи с этим значительная часть работ, написанных путешественниками или торговцами, посещавшими Швецию, так и не была издана. Кроме того, данный исторический период был отмечен многочисленными русско-шведскими конфликтами, из-за чего шведы воспринимались русскими только как враги. Общественное мнение о шведах было сугубо отрицательным, и тема особенностей национального характера, быта или культуры не пользовалась популярностью.

В начале XVIII в. единственными шведами, которых могли видеть многие жители России, были военнопленные. Некоторые из них содержались в Петербурге и Москве. Однако большая часть пленных шведов была отправлена в менее населенные регионы страны, подальше от крупных городов. Современный российский историк С. Р. Долгова отмечает также, что среди пленников далеко не все были военными:

«К 1702 г. в Москве были уже размещены шведские пленные. В “Росписи свейским полоняникам” подробно указано место пленения: в Печерском монастыре, “в порубежных городах”, в Гданьском уезде, у города Юрьева; размещение пленных в Москве (от Пречистенских ворот, с Переченской заставы); перемещение из Москвы в другие города: Азов, Воронеж и так далее. Среди пленных не только военные, есть торговые люди, “пасторовы дети”, “женки”, барабанщики, “пущечный возница”. Русское правительство пыталось привлечь на службу ремесленников... В подобных списках пленных обязательно отмечалась профессия пленного или его воинское звание. Вместе с военными в плен попали писари, сапожники, музыканты, лекари, духовные лица — пасторы, торговые люди. Многие были с семьями» (Долгова, 2002: 46).

Шведов в России охотно принимали на работу в соответствии с их профессиями. А поскольку среди пленников присутствовали даже женщины и дети, шведы смогли создавать целые шведские поселения и жить в них сравнительно обособленно. После окончания Северной войны на территории России существовали своего рода «островки Швеции». Это были те поселения, в которых проживало много шведов. В таких поселениях активно использовался шведский язык, строились лютеранские церкви, соблюдались многие шведские традиции и праздновались шведские праздники.

Как мы видим, в XVIII в. в Россию попало много шведов. Однако, несмотря на это, представление об этой нации у русских продолжало оставаться достаточно поверхностным. Шведов воспринимали лишь как побежденных противников, их высоко ценили как мастеров своего ремесла, но не более того. А стремление шведов создавать свои общины и по возможности ограничивать контакты с местной культурой лишь способствовали этому.

Более важным в данном отношении представляется период начиная с XIX в., когда и различные литературные источники, и опыт личного общения посредством более развитой инфраструктуры позволили составить полноценное впечатление о северном соседе. Вероятнее всего, только в этот исторический период в России по-настоящему начало складываться устойчивое представление о Швеции и шведах, бывшее прежде лишь отдаленным и обрывочным. Именно это представление легло в основу того, какими видят шведов русские на сегодняшний день.

Многие исследователи данного вопроса отмечают, что русским путешественникам, описывавшим свои странствия, чаще всего нравилась Швеция. Они, как правило, одобрительно, а порой и с восхищением рассказывали о быте шведов, об их нравах, обычаях, характере. Так, О. В. Чернышева в своей книге «Шведский характер в русском восприятии (по свидетельствам XIX–XX вв.)» пишет следующее: «...русские имели воз-

возможность на основании личных впечатлений и посредством различных печатных изданий составить представление о шведах... Речь идет не об отдельных людях или слоях населения, а о характере, традициях, социальной психологии народа. Это, в первую очередь, уважение к закону, безупречная честность, аккуратность, добросовестность в любом деле. Все авторы отмечают практичность шведов, уважение традиций, чувство справедливости, внутреннее достоинство и благородство, склонность к техническим усовершенствованиям, облегчающим труд, любовь к природе и своей стране. Среди общих черт характера — сдержанность в выражении чувств, музыкальность, любовь к домашнему уюту. В общественной жизни — демократизм, социальная активность, самоуважение и терпимость, в том числе и в вопросах религии, высокая степень равноправия женщин в семье и обществе» (Чернышева, 1999: 23–24).

Итак, как мы видим, общий мотив отзывов русских о шведах был довольно лестным. Путешественников из России восхищали шведские исполнительность, законопослушание, добросовестность. Ф. Булгарин, в 1830-х годах посетивший Швецию, соглашается с этим мнением, а также подчеркивает низкий уровень преступности в этой стране. Вот что он писал об этом: «Все путешественники согласны насчет шведской честности, добродушия и гостеприимства. О воровстве здесь вовсе не слышно. Этот гнусный порок омерзителен даже черни. Убийства чрезвычайно редки и случаются только в драках. Во всей Швеции путешественник совершенно безопасен, и нет примера, чтобы странник был убит или ограблен, невзирая на то, что, путешествуя по Швеции, должно проезжать леса, овраги и вообще места малонаселенные. Шведы крепки на слове, и обманы между ними величайшая редкость» (Чернышева, 1999: 25–26).

Русская путешественница С. Ковалевская, часто бывавшая в Швеции, хотя и соглашается со своими предшественниками, в то же время задается вопросом о причинах

таких качеств шведского характера, как размеренность, честность, чувство справедливости, уважение к традициям, благородство, верность слову и т. д. С ее точки зрения, причину этому следует искать в историческом прошлом Швеции. Она считает, что исторический путь, который прошла эта страна, по-своему уникален, так как значительно отличается в лучшую сторону от той ситуации, которая была во многих других странах, в том числе и в России. Она объясняет это следующим образом: «Швеция никогда не была под игом чужого государства, в ней никогда не существовало крепостного права, в числе ее королей не было ни одного тирана, вроде Иоанна Грозного или Людовика XI, имя которого было бы неразрывно связано с воспоминаниями о ряде кровавых пыток; даже религиозные гонения никогда не имели в ней того характера жестокости и неумолимости, как в других государствах Западной Европы. Понятно поэтому, что под влиянием столь мягкого, малоугнетающего прошлого у шведов выработался разумный, логический темперамент, который не переносит разлада между словом и делом, не останавливается на одной фразе» (Чернышева, 1999: 46–47).

Однако уже упомянутая О. В. Чернышева не вполне согласна с утверждением Ковалевской. Она считает, что в данном случае Ковалевская совершает ошибку, путая причину и следствие. С точки зрения самой Чернышевой, «уместно... поставить вопрос, не является ли именно шведский характер причиной того, что здесь никогда не было правителей-тиранов, жестоких религиозных гонений, которыми изобилует история стран континентальной Европы» (Чернышева, 1999: 47).

Вероятнее всего, ни одна из этих точек зрения не является полностью верной. В данном случае истина, видимо, лежит где-то посередине между этими двумя позициями. Шведский характер и шведская история, как две взаимосвязанные силы, оказывали воздействие друг на друга, определенным образом формируя развитие друг друга.

Ряд географических, природных и прочих факторов изначально создал предпосылки к формированию определенного типа характера людей, с давних времен населявших территорию современной Швеции. Именно эти люди приняли участие в ходе исторического развития Шведского государства, которое и помогло сформировать менталитет шведской нации в том виде, в котором мы видим его сегодня.

Среди других черт национального менталитета шведов русские нередко отмечают и самодовольство. Это одна из тех особенностей, которые относят к числу противоречивых шведских черт. Как отмечают многие авторы, шведы убеждены в своем превосходстве, гордясь тем, что живут в Швеции, и с иронией относятся к другим странам и народам. Это своеобразное чувство шведского патриотизма, уходящее своими корнями еще во времена идеологии готицизма. Шведы не испытывают неприязни к представителям других народов, а скорее сочувствуют им из-за того, что тем не посчастливилось родиться шведами. О готицистских корнях этого чувства упоминает Л. Н. Кулябина: «Для характеристики национального самодовольства шведов существует отдельное определение — это так называемый “грех рюдбекианства” — по имени известного ученого, естествоиспытателя и историка У. Рюдбека (1630–1702), автора сочинения “Атлантида”, в котором он доказывал, что именно Швеция является легендарной Атлантидой и прародиной человеческой цивилизации» (Кулябина, 2005: 43).

Уже в XX в. российский посол в Швеции А. А. Савинский также отмечал это чувство «национального самодовольства». По его

собственному выражению, это «повышенное самолюбие, которым отличаются народы, утратившие свое прежнее величие» (Чернышева, 1999: 87). Таким образом, он видел в этой национальной черте шведов отголоски времен великой державы.

В целом же отношения между Швецией и советской Россией не были особенно теплыми. Контакты между странами также резко сократились, в связи с чем уменьшилось и число работ, посвященных шведам как нации с ее характерными особенностями. А те немногочисленные источники, которые оставил этот исторический период, акцентируют внимание главным образом на социальном-экономических вопросах и в отношении описания черт национального характера не могут быть признаны полностью объективными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Долгова, С. Р. (2002) Шведские пленные в Москве в 1700–1709 годах // Шведы в Москве : материалы российско-шведской научной конференции. М. : Изд-во РГГУ.
- Коваленко, Г. М. (1999) Кандидат на престол: Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI–XX веков. СПб.
- Козлов, В. Ф. (2002) Шведы в Москве: историко-краеведческий аспект изучения // Шведы в Москве : материалы российско-шведской научной конференции. М. : Изд-во РГГУ.
- Кулябина, Л. Н. (2005) Швеция в современном мире. М.
- Чернышева, О. В. (1999) Шведский характер в русском восприятии (по свидетельствам XIX–XX веков). М.
- Nilsson, S. (1990) Rysskräcken i Sverige: Fördomar och verklighet. Örebro.